

Романы Алисы Клевер
освежают чувства и дают верные
ориентиры в жизни.

Читайте в серии:

Два месяца и три дня

Четыре стороны света и одна женщина

Пятнадцатый рай

АЛИСА КЛЕВЕР

— ЧЕТЫРЕ СТОРОНЫ СВЕТА И ОДНА ЖЕНЩИНА —

р о м а н

Москва
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К48

Художественное оформление серии
С. Груздева

В оформлении обложки использована фотография:
NAS CRETIVES / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Клевер, Алиса.

К48 Четыре стороны света и одна женщина : роман / Алиса Клевер. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Романы Алисы Клевер).

ISBN 978-5-699-90517-1

В погоне за наслаждением Максим Коршунов чуть не потерял Арину, невинную, милую, влюбленную в него девушку. Она сбежала от него, не желая опускаться в пучину разврата. Теперь Максим изменился, он готов на все, чтобы вернуть любимую, без которой не может жить. Однако страстная любовь Максима и Арины мешает планам его отца. А если жестокий, деспотичный олигарх Коршунов решил разлучить влюбленных, ничто не сможет его остановить.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90517-1

© Клевер А., текст, 2016
© Оформление. ООО
«Издательство «Э», 2016

*Все имена, события, чувства,
сны и совпадения, а также
мысли и мечты являются
случайными и субъективными.*

But I've had the invitation
that a sinner can't refuse
It's almost like salvation
It's almost like the blues...

Leonard Cohen¹

Какое тебе дело до того,
что думают другие?

Ричард Фейнман

¹ Но я получил приглашение,
Перед которым грешник не
сможет устоять,
Это почти как спасение,
почти как блюз...

Леонард Коэн

Она ушла.
Но ведь я ни во что не верю и ни в ком не нуждаюсь.

Я боюсь лишь неизбежной смерти и пустоты, за которой все обрывается.

Я не люблю ничего, кроме самой любви. Только острое наслаждение делает меня бессмертным, и тогда на короткое время я забываю о времени. Это все, что у меня есть. Это все, что есть у любого из нас. Так было и так будет.

А я...

Я хочу, чтобы она вернулась. Это выше меня, но и в этой малости я бессилен.

Вот они — он и Арина — летят в Берлин в первом классе «Боинга», их кресла рядом. На ней легкое шелковое бирюзовое платье. Раздвинув ноги, она подалась вперед, ее поза бесстыдна и прекрасна. Глаза прикрыты, но она не спит. Она совсем близко, ее тело отзывается на каждое движение его пальцев меж ее бедер. Она дрожит и стонет, ресницы вспархивают, как темные бабочки, и синева ее глаз прожигает. Их могут увидеть, но это придает остроты его ощущениям.

Алиса Клевер

Серый туман. Самолет пробивается сквозь тяжелые облака. За тонким стеклом иллюминатора сверкает молния. Максим вздрагивает — ему кажется, что там, среди туч, есть еще что-то. Кто-то. Он всматривается в темнеющую бездну, но там — ничего, кроме наполненного ветром пространства.

Арина удаляется от него по узкому проходу между сиденьями. Когда она встала и как прошла мимо? Откуда взялось на ней вместо бирюзового легкого это вечернее платье с прозрачной тканью, оголяющей ей бедро? В самолете никого больше нет, и ужас сжимает Максиму сердце. Он поднимается с места и идет вслед за нею, пытается ее догнать, но не может — что-то все время мешает ему, хотя Арина идет медленно. Какие-то чемоданы, длинные стойки осветительных приборов, лампы, которые почему-то все включены и светят прямо ему в лицо. Арина оборачивается и смотрит на него. Он видит, что ее ноги изранены и в крови, она босая. Ее глаза горят отчаянной решимостью. Он хочет крикнуть, остановить ее, но слова застревают у него в горле. Она сейчас выпрыгнет из самолета... Максим зажмуривается.

Когда он вновь открывает глаза, он стоит посреди поля колосающейся пшеницы. Ветер силен, тяжелые тучи несутся по небу так быстро, словно земной шар закрутился втрое быстрее. Он смотрит в небо. Из стальных оков бездны вырывается «Боинг». Он падает, безмолвно и страшно, носом в землю, сейчас он рухнет вот здесь. Вниз, вниз. Каким-то неведомым образом он видит сквозь окно иллюминатора

Четыре стороны света и одна женщина

себя и Арину, летящих к земле. Арина голова покоится на изголовье сиденья, глаза прикрыты, она ничего не знает. Самолет сейчас разобьется, но она не чувствует ни падения, ни смертельной опасности. Только его пальцы у себя между ног. Самолет несется с огромной скоростью, и Максим сжимается, ожидая чудовищной силы удара.

Вдруг становится тихо-тихо. Ни ветра, ни тяжелых, несущих град туч. Максиму не холодно. Напротив, ему очень жарко. Он лежит на большой кровати — белые простыни, огромное пуховое одеяло, множество подушек. Рядом с ним лежит большой плюшевый медведь с зашитым ртом. Он один в комнате, кажется, он спит. Другая женщина бежит по длинному коридору в одних чулках. Максим видит ее, эту другую женщину, хотя он по-прежнему спит. Он может быть в двух местах сразу, и это совсем не кажется странным. Он видит портрет на стене, отделанной красными обоями с золотым тиснением. На портрете человек без лица, фигура с головой, обмотанной черным шелковым платком. В комнате, где спит Максим, стены нежно-голубые, с ландышами. Ему кажется, что, когда ландыши покачиваются на ветру, он слышит слабый звон.

Волосы у женщины светлые, ноги длинные. Слишком много косметики на лице, но не это беспокоит Максима. Она совершенно голая, эта женщина. Она бежит по коридору и громко смеется. Ее смех будит его, он смотрит на нее и не может оторвать глаз, и ему очень стыдно смотреть на ее голое тело. Ее лобок полностью выбрит — ни одной волосинки. Она полноватая, ее груди трясутся на

Алиса Клевер

бегу. Взгляд Максима прикован к этим округлым грудям, к темным ореолам сосков. Один сосок проколот так, как женщины прокалывают уши. В сосок вставлен маленький колокольчик. Это его звон слышит он. Ему хочется прикоснуться к этой груди, чтобы колокольчик перестал звенеть.

Опасно. Женщина заходит в комнату и подкрадывается к нему. Он зажмуривает глаза, притворяется спящим. Он не хочет, чтобы эта женщина его видела.

— Так, так, так, — смеется женщина. — Кто это тут подглядывает? Ах, проказник!

Максим смотрит на нее в панике, но женщина только хитро улыбается, перехватив его взгляд, заметив его горящие в огне щеки. Она приподнимает свои груди ладонями и слегка сдавливает их.

— Нравятся? — спрашивает она и смеется, глядя, как Максим краснеет еще больше, как ему стыдно из-за того, что она поймала его. Ее глаза — безумные, черные, огромные, со зрачками, как у змеи. Ее рот открыт, белые волосы прилипли к потному лбу. Она играет с колокольчиком в соске и не сводит дикого взгляда с Максима.

Невозможно! Максим закрывает глаза, ныряет под одеяло, пытаясь спрятаться в жаркой душной темноте.

Темнота — это хорошо.

Из-под одеяла вылезать нельзя — это он знает точно. Он бывал здесь, видел эту женщину много раз. Она всегда приходит вместе с другим, страшным. Если она пришла к нему в комнату, следом придет и он — дьявол с кровавыми щупальцами и ледяными глазами. Он вползет через окно,

Четыре стороны света и одна женщина

если забыть закрыть хотя бы одну щелочку. Он пролезет под дверь. Его нельзя остановить, помешать ему. Он придет за ним.

Он уже здесь. Женщина смеется. Под большим пуховым одеялом становится смертельно холодно.

— Не бойся! Давай поиграем. Вылезай, и я дам тебе их потрогать! — Голос женщины меняется, фраза повторяется на разные лады. — Ах ты разбойник! — Ее голос вдруг становится низким, грубым. «Ах ты разбойник!» Почти мужским. Ужас охватывает Максима. Он лежит под одеялом и видит, как рука, длинная, куда длиннее, чем бывают у людей руки, ныряет под одеяло и ищет его. «Ах ты разбойник!»

Длинные щупальца с ледяными когтями. Когти холоднее айсберга и острее бритвы, они режут, оставляя тонкие красные следы, распарывая простыню на тонкие полоски. Если бы только Максим смог отпрянуть, выбраться из-под одеяла, сползти с кровати, спрятаться под нее... Он был бы в безопасности, но теперь поздно.

Дьявол хохочет и вонзает свой зуб прямо Максиму в сердце. Он срывает одеяло и добирается до Максима. У дьявола ледяные глаза, в руке он держит голову своей беловолосой ведьмы, и голова эта мертва, черные глаза пусты. Максим видит, как кровь течет по его телу из пробитого насквозь сердца, он оборачивается и видит разорванного на куски медведя. Рядом с ним лежит обезглавленное женское тело. Белое одеяло залито кровью, в воздухе летают перья и обрывки газет. В правом соске торчит колокольчик.

Алиса Клевер

Боль и крик оглушают его. Мир взрывается и летит во все стороны горящими кусками, красная пелена заливают Максиму глаза.

Его собственный, полный животного ужаса крик оглушает его. Он резко вскакивает и просыпается. Его руки холодны как лед, он дрожит, озираясь в ледяной темноте, его лицо покрыто испариной. Он судорожно глотает воздух, как безумец, потерявшийся во времени и пространстве. Все еще крича, он отползает к стене, прижимается к ней спиной, делает несколько рваных вдохов, хватается за грудь.

Кошмар.

Ему приснился его кошмар. Он забыл закрыть дверь на террасу, поэтому он так замерз. В конце августа ночи уже холодны, идет дождь. Он в Москве, в Maximus Grand, в своем пентхаусе, лежит напротив открытой двери, сквозняк гуляет по полу. Кровать стоит нетронутая, с идеально уложенными подушками, с тонкой полоской шелка, аккуратно постеленной поперек покрывала. Он не спал на ней, даже не сидел на ней. Как и всегда, он уснул на полу. Может быть, все дело в забытой двери на террасу? Или в наполовину пустой бутылке Remi Martin?

Все это ерунда. Он спал в палатке на леднике, ему доводилось пить неделю подряд с местными жителями в Исландии. Ему никогда не снились кошмары, если он спал на полу. Что-то изменилось. Что-то разрушило привычный образ жизни, хрупкий баланс, дававший ему все, о чем он ни просил.

Четыре стороны света и одна женщина

Арина ушла. Найти ее он не смог. Это было не в его власти.

Максим поднялся, включил светильник. Приглушенный свет озарил роскошный номер, и мерзкие холодные щупальца чудовища, созданного его большим воображением, отступив, спрятались в остатках темноты по углам. Максим поспешил зажечь верхний свет — замысловато изогнутые линии светодиодов, результат изошренной дизайнерской мысли. Зажег и остальные источники света: два торшера в холле, настольную лампу на придиванном столике, даже тусклое спецосвещение — продолговатые лампы, прикрепленные к нижним частям кухонных шкафчиков. Терраса за распахнутой балконной дверью засияла, освещенная четырьмя уличными фонарями.

Только когда все три комнаты номера люкс заискрились от света, Максим немного успокоился и упал в массивное кресло напротив большого плоского телевизора и нажал кнопку пульта. Экран ожил, и два комментатора, бодрые и подтянутые, принялись обсуждать какой-то недавно прошедший матч. Даже здесь, в Москве, Максим предпочитал смотреть кабельные каналы на английском — привычка. Спутниковое телевидение — удобная штука.

Максим не слушал их, но размеренный шум, создаваемый их голосами, благотворно действовал на него. Он сидел опустошенный, усталый, злой и небритый, в измятом и несвежем смокинге, который он так и не додумался сменить за три прошедших дня. Просто забыл обо всем,пил и вспоминал, как шел три дня назад по красной дорожке,

Алиса Клевер

взбешенный до чертей и мечтающий отомстить Арине и поставить ее на колени. Подчинить ее, показать ее место. Связать, выпороть и трахать потом, пока она не станет рыдать и просить прощения.

На что он тогда злился?

Смокинг был неприятно грязен, на рубашке пятно от виски. Галстук болтался на шее развязанный. Максим подобрал с полу наполовину пустую бутылку Remi Martin и приложился к горлышку. На столике перед креслом лежали фотографии — ее фотографии. Все, что у него осталось от нее. Знал бы, фотографировал бы ее безостановочно — каждый вздох, каждый оргазм, каждую искру синих глаз. Но разве могут помочь фотографии там, где нужно горячее податливое тело, сияющие синие глаза, влажная ложбинка между ягодицами.

Белоснежка. Остается только признать факт, что она ушла. Что ее больше нет. Что может быть проще? Просто женщина ушла от него. Встань и иди в другую сторону. Забудь и ищи новых наслаждений.

Что ты тут делаешь?

Максим отпил еще и переключил канал. Новости. Он вздрогнул, услышав, что час назад в океан упал самолет. «Боинг»? Что, если Арина летела на нем? Что, если с ней что-то случилось? Может быть, поэтому он ее не нашел? Может быть, ее больше нет. Холодно, мир превращается в гигантский айсберг.

Почти пятьдесят часов провел Максим в зоне прилета терминала D аэропорта Шереметьево, всматриваясь в каж-

Четыре стороны света и одна женщина

дую фигуру, выходящую из-за матовых стен зеленого коридора. Он простоял там два дня, питался бутербродами из местных дешевых кафе, отключил телефон и не отвечал на звонки. Она не могла проскочить мимо него. И все же как в воду канула. Самолеты из Франкфурта, Лондона, Берна и Мюнхена, даже из Мадрида — со всей Европы — приземлились и улетели обратно, но ее не было. Она не прилетела ни одним рейсом из всех возможных. Вдруг она решила улететь куда-то еще?

Вдруг погибла?

Нет-нет, только не это! Она просто оставила его одного — здесь, в пустом, залитом электрическим светом номере. Ричард сказал, что Арина любит его, Максима, но Максим не верит в любовь. Зато он верит в смерть, и его сердце сжимается от ужаса.

— Где она, Ричард? — Максим сжимает телефон так, что он вполне может треснуть от давления его пальцев. В Лондоне глубокая ночь. Голос Ричарда холоден и отстранен.

— Что ты хочешь, Максим? — спрашивает он вежливо на английском. Они знакомы почти всю жизнь, и если есть кто-то, кого можно назвать самым близким другом Максима Коршунова, то это будет Ричард. Они всегда говорили на русском. Видимо, они больше не друзья.

— Где она? Ты должен мне сказать!

— Я ничего тебе не должен. К тому же с чего ты взял, что я знаю, где она? — Ричард подчеркнуто спокоен.

— Ты знаешь. Все ты знаешь, мой дорогой виконт, — пробормотал Максим, делая еще один большой глоток. —